
ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В 1916 г. ВО ВРЕМЯ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА

© 2016 г. А.В. Венков¹

Аннотация. Статья посвящена важнейшему событию Первой мировой войны – Брусиловскому прорыву 1916 г. Верховное командование русской армии планировало разгром австро-венгерских войск и разработало операцию на стыке двух фронтов – Западного и Юго-Западного. По замыслу российских военачальников, огромные массы кавалерии, в основном казачьей, должны были пройти через болота, оказаться в тылу у противника, где их никто не ждал, окружить и разгромить неприятельские войска. Командование на местах предлагало держать конницу по всей линии фронта и бросать ее в те места, где пехота могла прорвать оборону противника. В реальности сконцентрированная на болотах конница не смогла прорвать оборону противника, а там, где пехота в поле прорывала неприятельский фронт, ресурсов конницы оказывалось недостаточно, чтобы развить успех. В целом сражение было выиграно, но враг не был окончательно разгромлен из-за нерационального использования русской конницы.

Ключевые слова: Первая мировая война, казаки, Брусиловский прорыв, линия фронта.

THE DON COSSACKS IN 1916 DURING THE BRUSILOV'S BREAKTHROUGH

A.V. Venkov¹

Abstract. The article is devoted to the most important event of the First World War – the Brusilov's breakthrough, 1916. The Russian High Command planned the defeat of the Austro-Hungarian forces and developed an operation on the territory between two fronts – the Western and Southwestern. Huge masses of cavalry, mostly the Cossacks, had to go through swamps to unexpectedly appear in the rear of the enemy and to encircle and complete a defeat of the Austro-Hungarian troops. Commanders of the armies suggested keeping the cavalry across the entire front line and advancing it to the places where the infantry could make the breakthrough in the enemy's defences. In reality the cavalry, concentrated in the swamps, was unable to break through the enemy's defences, and it was not enough to advance and strengthen the success in cases when the Russian infantry broke through the enemy's front line in an open field. Overall the battle was won, though the enemy was not finally defeated due to irrational use of the Russian cavalry.

Keywords: World War I, Cossacks, Brusilov's breakthrough, front line.

Важнейшим событием Первой мировой войны в 1916 г. стало наступление русского Юго-Западного фронта, вошедшее в историю под названием Брусиловского прорыва. Последующие политические события повлияли на исследование этой военной операции. Больше внимания уделялось действиям одной из армий Юго-Западного фронта – 8-й армии, которой командовал талантливый донской генерал А.М. Каледин, ставший впоследствии выборным донским

атаманом и одним из главнейших врагов новой большевистской власти.

В условиях позиционной войны использование конницы было проблематичным. Создавалось впечатление, что оно было откровенно неумелым. Комментируя события на Юго-Западном фронте во время Брусиловского прорыва, А.А. Керсновский, один из первых исследователей Первой мировой войны, писал: «Семь кавалерийских дивизий на правом фланге фронта сидели по брюхо коня

¹ Южный научный центр Российской академии наук (Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, e-mail: andrey_venk@rambler.ru

в болоте, три на левом крыле двинуты были в горы...» [1, с. 98]. Однако известно, что донские казаки в годы войны убитыми потеряли всего 3 % от общего числа мобилизованных [2, с. 98], что, наоборот, говорит об умелом и бережном использовании конницы на войне.

Задача данной статьи – выяснить роль донских казаков в наиболее известной военной наступательной операции русской армии в ходе Первой мировой войны. Важным является то, что в фондах Государственного архива Ростовской области есть ряд документов (переписка между штабами Юго-Западного фронта и 8-й армии), который позволил уточнить важнейшие моменты в планировании операции и ее проведении.

В начале 1916 г. трудно было представить возможности широкого применения конницы. По всему фронту шли позиционные бои. А.М. Каледин писал 13 января 1916 г.: «Сошлись так, что австр. начали против наших частей на некоторых участках минную войну. Кроме того, они пакостят газами и бомбами с каким-то веществом вроде формалина» [3, с. 72].

Попытки наступления русских войск начались с Нарочской операции. Нарочская военная операция русской армии представляла собой фронтальное наступление 5 (18) – 14 (27) марта 1916 г. у озера Нарочь, закончившееся без видимых результатов, но с огромными потерями. В этом наступлении в качестве корпусной и дивизионной конницы приняли участие 4-й, 6-й, 35-й, 44-й и 58-й Донские казачьи полки, 21-я отдельная Донская казачья сотня, 7-й Донской артиллерийский дивизион (14-я и 15-я Донские казачьи батареи) и целиком 4-я Донская казачья дивизия (19-й, 24-й, 25-й и 26-й Донские казачьи полки). Впрочем, некоторые казачьи полки на Северном и Западном фронтах участвовали в наступлении номинально: сидели в окопах, охраняя указанные им участки.

Вообще в ходе кампании 1916 г. казачьи части Северного и Западного фронтов редко принимали участие в боях, поскольку эти фронты практически не поддерживали весеннее и летнее наступление на Юго-Западном фронте. Так, 5-я Донская казачья дивизия (27-й, 28-й, 29-й и 33-й Донские казачьи полки и 6-й Донской артиллерийский дивизион – 12-я и 13-я Донские казачьи батареи), расположенная в районе Полесья и Пинских болот, провела в окопах не менее 10 месяцев. На Двине практически без движения стояли части 4-й Донской казачьей дивизии.

Впрочем, казаки не бездельничали, а готовились к наступлению. Командир 51-го Донского полка

писал в донесении: «24-го февраля по секретному предписанию полк походным порядком перешел в д. Посталовку, где в составе 5 Кавказского армейского корпуса около двух месяцев находился в армейском резерве. Это время было использовано на поправку тел лошадей и на боевую подготовку офицеров и казаков. Полк был снабжен штыками и обучен штыковому бою» [4, с. 289].

В задачу данной работы не входил анализ причин успеха наступления Юго-Западного фронта, так называемого Брусиловского прорыва. Краткое объяснение успехов Юго-Западного фронта и характеристику командующих армиями этого фронта дал военный атташе Британии в России А. Нокс: «Через два месяца сам Брусилов в беседе со мной объяснял свой успех тем, что впервые армии Юго-Западного фронта получили приказ нанести удар одновременно, в результате чего неприятель не смог перебрасывать свои войска с одного участка фронта на другой. В самих же армиях все единодушно видели причину успеха в тщательной подготовке наступления на местах, к которой штаб фронта практически не имел никакого отношения... Каледин, как и Брусилов, был кавалеристом и успешно командовал 12-й кавалерийской дивизией. Однако генерал совсем не подходил под описание “рубачи-парня”. Это был близорукий, сдержанный и молчаливый человек, в отличие от своего начальника, больше похожий на студента, чем на военного, женат на француженке» [5, с. 390].

Юго-Западному фронту изначально предназначалось нанесение вспомогательного удара. Главный удар должен был нанести Западный фронт генерала Эверта. «...В Ставке мне лишь условно было разрешено выбирать момент и атаковать врага, с тем чтобы помочь Эверту успешно нанести главный удар и не допустить посылки противником подкреплений с моего фронта», – вспоминал А.А. Брусилов [6, с. 213].

Своим подчиненным, командующим армиями, Брусилов объяснял: «...Мы главным образом должны помочь Западному фронту, на который возлагаются наибольшие надежды, а следовательно, 8-я армия, ближайшая к Западному фронту, своим наступлением скорее всего поможет Эверту. Кроме того, движением 24-го корпуса вдоль полотна железной дороги на Маневичи – Ковель, а ударной группой от Луцка на Ковель же при настоящем расположении войск противник легко будет захвачен в клещи, и тогда все войска противника, расположенные у Пинска и севернее, должны будут без боя очистить эти места» [6, с. 214]. Таким образом, как мы видим, на стыке Западного и Юго-За-

падного фронтов намечалось окружение противника силами двух фронтов.

Роль кавалерии и казаков в наступлении русских войск 1916 г. была достаточно важной, но не решающей.

В 8-й армии кавалерия первоначально состояла из 5-го кавалерийского корпуса в составе Оренбургской казачьей дивизии, 7-й, 11-й и 12-й кавалерийских дивизий; затем был добавлен 4-й кавалерийский корпус, в который входили 16-я кавалерийская, 2-я сводно-казачья и 3-я Кавказская казачья дивизии. Одну – Заамурскую конную дивизию – имела 11-я армия. В 7-ю армию входил 2-й кавалерийский корпус (6-я Донская казачья дивизия, 9-я и сводная кавалерийские дивизии). В 9-й армии кавалерию составляли четыре дивизии 3-го кавалерийского корпуса – 1-я Донская, 1-я Терская казачья, 10-я и Кавказская туземная кавалерийские дивизии.

Кроме того, в армейских корпусах на 20 мая 1916 г. имелось 11 казачьих полков в качестве войсковой конницы: 22-й, 31-й, 42-й, 51-й Донские, 3-й Уманский, 2-й Екатеринодарский и 2-й Линейный Кубанские, 8-й и 9-й Уральские, 15-й и 16-й Оренбургские. Если учесть также казачьи полки в дивизиях регулярной конницы, которые входили в состав армий Юго-Западного фронта (11-й и 12-й Донские, 1-й Уральский, 1-й Оренбургский, 3-й Уфимо-Самарский), то на день прорыва казачья конница Юго-Западного фронта состояла из 40 казачьих полков. В девяти дивизиях регулярной конницы фронта, исключая казачьи полки, имелось 32 кавалерийских полка.

Армии Юго-Западного фронта имели некоторое превосходство в пехоте, кавалерии и легкой артиллерии. Генерал А.А. Брусилов на участках прорыва создал превосходство в пехоте в 2–2,5 раза и в артиллерии в 1,5–1,7 раза. Все четыре армии фронта перешли в наступление 22 мая 1916 г. после мощной артподготовки.

М.В. Оськин считает, что «организация прорыва неприятельской обороны в 8-й армии носила характер образования сильных групп на различных направлениях, объединенных общей целью. В качестве цели ставился захват мощного железнодорожного узла – Ковель, с намерением развития прорыва навстречу удару Западного фронта, который должен был совместно с армиями Северного фронта опрокинуть германцев и развивать наступательную операцию на виленском стратегическом направлении. Следовательно, захват Ковеля предполагался как промежуточный этап между достижениями тактической (уничтожение противостоящих сил противника на

оборонительных линиях) и оперативной (развитие прорыва в Польшу) задач» [7, с. 287]. То есть удар 8-й армии предполагался не столько в западном, сколько в северо-западном направлении и должен был стать первым шагом, от выполнения которого зависело все дальнейшее наступление на Польшу и Литву.

Войска 8-й армии были разделены на несколько групп; в левую, получившую условное наименование Ровненской группы, входили 8-й армейский корпус В.М. Драгомирова, 32-й корпус генерала И.И. Федотова, 39-й корпус генерала С.Ф. Стельницкого и 40-й корпус генерала Н.А. Кашталинского. Эти корпуса должны были наступать на Луцком направлении, используя наиболее удобную для удара местность, затем нанести удар по Ковелю с юга. «Для атаки непосредственно на Ковель сосредоточивалась группа ген. А.М. Зайончковского в составе 30-го армейского корпуса и 5-го кавалерийского корпуса. То есть очевидно, что конница должна была развивать успех прорыва 30-го армейского корпуса – одного из лучших корпусов русской действующей армии» [7, с. 287–288]. Еще севернее (практически на болотах) и гораздо позднее была развернута Сарненская группа – 4-й кавалерийский корпус генерала Я.Ф. фон Гилленшмидта, переданный из 3-й армии Западного фронта, и 46-й армейский корпус генерала Н.М. Истомина. Эта группа тоже должна была наступать на Ковель.

Согласно замыслу штаба фронта, конная масса, состоящая из двух конных корпусов (4-го и 5-го), должна была ударом на Ковель не только занять данный железнодорожный узел, но и выйти в тыл той разгромленной неприятельской группировке, что будет отброшена от Луцка к Ковелю [7, с. 288]. Ковель (в 66 км северо-западнее Луцка) представлял собой крупный железнодорожный узел, соединяющий 5 железнодорожных веток.

Идея эта складывалась постепенно. После того как на совещании командармов в Волочиске 5 апреля 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов указал, что в прорыв, образовавшийся после атаки, надлежит пускать конницу, не считаясь с потерями, и направить ее в глубокий тыл противника, 15 апреля командарм 8-й армии А.М. Каледин представил генералу Брусилову оперативный план атаки 8-й армии. Для ввода в прорыв предназначались стоявшие в резерве армии 7-я и 12-я кавалерийские дивизии, входившие в состав 5-го кавалерийского корпуса. Так, 7-я кавалерийская дивизия 17 мая получила приказ к рассвету 19 мая стать в районе

Деражно-Постояно [8, с. 27], т.е. непосредственно за боевыми порядками 39-го корпуса.

Позже, после того как план предстоящего наступления был уже разработан в штабе 8-й армии, в состав этой армии были переданы подразделения 4-го кавалерийского корпуса вместе с занимаемым ими 60-километровым болотистым участком фронта [7, с. 289]. Включение этого конного корпуса в состав 8-й армии сначала практически не изменило плана ее наступления.

На направлении будущих ударов велась разведка. Так, начальник штаба 2-й сводно-казачьей дивизии полковник Денисов докладывал 9 мая: «Сегодня, в 15 часов, под начальством хорунжего Краснова была выслана партия разведчиков, которая, следуя от дома лесника, что южнее Вульки Галузийской, на Сарай Южный и далее в юго-западном направлении дошла до проволочных заграждений противника и выяснила, что проволочные заграждения в четыре ряда кольев вышиной до двух аршин, засек нет. Впереди заграждений лес вырублен, повален, а в промежутках заложена масса фугасов. Часовые стоят за фугасами, с проходов проволочных заграждений. Сняты[е] у противника 14 фугасов с бикфордовым шнуром и 10 пулями одновременно с сим представляю» [9, л. 176–176 об.].

Командующий 8-й армией А.М. Каледин 16 мая поставил перед войсками армии задачу: «Армии Юго-Западного фронта переходят в наступление. На 8-ю армию возложена задача, разбив живую силу противника, наступать к Луцку для овладения линией р. Стири». Далее следовали задачи для каждого корпуса и назначалось время. «К 19 мая все должно быть готово для начала артиллерийской подготовки атаки по первому приказанию, которое последует особо» [8, с. 27–28].

Согласно приказу А.М. Каледина от 16 мая 1916 г., кавалерия 8-й армии имела следующие задачи: 4-й кавалерийский корпус (куда входили 2-я сводно-казачья дивизия, 16-я кавалерийская дивизия и 77-я пехотная дивизия) – «охранять правый фланг армии на фронте Островск – Чарторийск вкл[ючительно]. Держать непосредственную постоянную связь с левым флангом 3-й армии». Пятый кавалерийский корпус – «обеспечивая правый фланг корпусов армии, атакующих противника на фронте Дидичи-Корыто, воспрепятствовать переброске войск по дороге Колки-Цумань энергичным давлением на эту дорогу» [8, с. 27]. Как уже было сказано, 7-я кавалерийская дивизия выдвигалась за 39-м корпусом чуть севернее главного удара на Луцк; 12-я кавалерийская оставалась в резерве. Таким образом А.М. Каледин

планировал прорвать фронт противника и бросить в прорыв свою кавалерию. Переданный ему недавно 4-й кавалерийский корпус должен был охранять фланг армии.

Однако директива начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева от 18 мая гласила: «...10. Дабы при благоприятных условиях использовать успех 8-й армии и развить действия сильным конным отрядом в направлении на Ковель, Западному фронту временно передать в состав 4-го кавалерийского корпуса 3-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и спешно перебросить еще одну кавалерийскую дивизию в район Высоцка – Городище на Горыни.

11. Главнокомандующему полезно изыскать способы усиления этого конного отряда еще одной конной дивизией из войск своего фронта. Разработка действий этого отряда возлагается на Юго-Западный фронт, ибо самые действия должны развиваться в полном взаимодействии с задачей 8-й армии» [7, с. 294–295].

Таким образом, за 4 дня до начала наступления, резко усилив 4-й конный корпус, Ставка практически принуждала командование Юго-Западного фронта дать ему новую задачу: не прикрывать фланг 8-й армии, а идти в прорыв через болота и наносить удар на Ковель. То есть противника окружать силами не двух фронтов, а одного, Юго-Западного.

Брусилов усилил корпус еще двумя кавалерийскими дивизиями. Для поддержки сюда же был направлен 46-й армейский корпус. Затем к группе Гилленшмидта был подтянут 5-й кавалерийский корпус.

В качестве первоочередной цели 4-му кавалерийскому корпусу было поставлено: «...прорваться в общем направлении на Ковель с целью разгромить тыл противника, уничтожая его запасы, склады, железные дороги, внося беспорядок в его тыл, и тем способствовать продвижению 8-й армии и большому разгрому живой силы противника» [7, с. 295].

К 22 мая в составе 4-го конного корпуса были: 16-я кавалерийская дивизия генерала Н.Г. Володченко, 2-я казачья сводная дивизия генерала П.Н. Краснова, 3-я Кавказская казачья дивизия генерала П.Л. Хелмицкого, 7-я кавалерийская дивизия генерала Ф.С. Рерберга. В 46-й корпус генерала Н.М. Истомина, который должен был расчистить путь коннице, входили второочередная 77-я пехотная дивизия генерала В.Г. Леонтьева, сильно разбавленная новобранцами после боев 1915 г., а также только что образованная из ополченцев и новобранцев 100-я пехотная дивизия

генерала С.И. Гаврилова. Более того, 100-я пехотная дивизия по численности являлась половинной, представляя собой одну бригаду [7, с. 288]. Общая численность войск: 9126 шашек, 13272 штыка (плюс 1128 штыков в командах), 112 пулеметов, 82 орудия [7, с. 287].

Подошедший 5-й кавалерийский корпус теперь должен был наступать вслед за 4-м кавалерийским корпусом. Также в созданную конную группу были переданы дополнительно 50 легких трехдюймовых орудий. Штаб фронта еще предполагал, что после успеха прорыва главной группы на луцком направлении тяжелая артиллерия, которой в войсках Юго-Западного фронта катастрофически не хватало, будет переброшена в группу Гилленшмидта. Правда, этого так и не произошло.

Стоит помнить, что приданная кавалерии Гилленшмидта пехота была исключительно слаба, а тяжелая артиллерия отсутствовала [7, с. 289].

Подготовившемуся к прорыву 4-му конному корпусу противостояли 1-я, 9-я и 11-я австрийские кавалерийские дивизии и Польский легион.

Русские были уверены в малой устойчивости войск Польского легиона. Так, докладывая о бое с Польским легионом 31 августа 1915 г., П.Н. Краснов писал: «Пленные, взятые нами, оказались 5-й и 6-й рот и пулеметной команды 4-го Пехотного полка, почти все мальчишки 18-летнего возраста, набранные австрийцами в Галиции и Буковине по уходе оттуда наших войск. Вид имеют весьма гнусный. Офицеры – австрийцы. Обмундированы скверно, 5 дней не видели хлеба и соли» [10, с. 10–11].

Однако укрепленная полоса австрийской обороны здесь состояла из трех линий траншей с тремя полосами проволочных заграждений по четыре ряда кольев, имела также фугасы. На наиболее опасных участках окопы были усилены несколькими бетонными капонирами для пулеметов и противоштурмовыми 57-миллиметровыми орудиями [7, с. 293].

«Соотношение сил на участке прорыва группы Гилленшмидта: русские – 14400 штыков и 6526 сабель против 27500 штыков и 9700 сабель. Поэтому в 4-й кавалерийский корпус к моменту наступления передали 3-ю Кавказскую казачью дивизию и 7-ю кавалерийскую дивизию. Также сюда же был переброшен 46-й армейский корпус, южнее которого находился 5-й кавалерийский корпус. Как видим, русские не имели решительного перевеса в силах и средствах, чтобы конница смогла бы прорвать неприятельскую оборону» [7, с. 294].

Но Брусилов надеялся, что кавалерия, хоть и с

большими потерями, но сумеет прорвать австро-венгерскую оборону, тем самым исход сражения будет решен. Так, в ходе операции А.А. Брусилов сообщил М.В. Алексею в отношении 4-го кавалерийского корпуса, что «при помощи части 77-й пехотной дивизии он имеет возможность прорвать тонкие линии спешенной австрийской конницы» [8, с. 296–297]. Дальше должно было начаться преследование разбитого и отступающего противника.

Наступать предполагалось по болотистой местности, где, как полагало русское командование, никто не ожидал наступления конницы. Планировалось, что русская пехота из состава 46-го армейского корпуса прорвет укрепленные австро-венгерские позиции, и в прорыв хлынет многочисленная конница. С выходом этой конницы к Ковелю практически сомкнется кольцо окружения вокруг австро-венгерских частей восточнее и юго-восточнее Ковеля. Железная дорога в австрийском тылу будет перехвачена, при выходе из окружения австрийцам придется бросить все грузы, тяжелую артиллерию и пр. Продвижение русской конницы к Ковелю сопровождалось бы уничтожением запасов продовольствия и фуража, складов, разрушением железных дорог. Такое расстройство тыла противника могло бы облегчить продвижение всех соединений 8-й русской армии.

Подготовка к наступлению велась в режиме строжайшей секретности. А.М. Каледин написал жене 24 мая: «Прошу простить, cherie, но я был очень занят (впрочем, это продолжается и теперь). Теперь уже не секрет и можно тебе сказать. С моего вступления в командование и до сих пор у нас шла большая подготовка к наступлению. 22-го мая мы начали артиллер[ийскую] подготовку и утром 23-го на фронте нашей армии мы атаковали австрийцев. Ожесточенный бой шел весь день вчера и сегодня. В результате мы прорвали сильно укрепленную позицию (около 8 мес[яцев] ее укрепляли австр[ийцы]) на фронте около 40 верст и гоним австр[ийцев] к Луцку. Мои передовые части от него уже верстах в 15, не больше» [3, с. 98].

Созданный конный кулак, как и предполагалось, вступил в бой позднее.

Штаб фронта 24 мая 1916 г. отдал следующий приказ генералу Я.Ф. фон Гилленшмидту: «Обстановка требует с вашей стороны самых решительных, быстрых действий. Обращаю ваше усиленное внимание на необходимость проникновения в глубокий тыл и перехвата линии железных дорог Ковель – Сарны, и в особенности Ковель – Луцк» [7, с. 299].

Командование русской конницы рассчитало время и место прорыва и выхода к Ковелю. Командующий 2-й сводно-казахской дивизией рапортовал Гилленшмидту: «Залогом успеха считаю: быстроту и непрерывность движения... Трое суток полного напряжения лучше, нежели 6 суток с роздыхами и невыполненной задачей» [9, л. 247–248 об].

Таким образом, действия конницы после прорыва австрийского фронта были рассчитаны и записаны. Но пехота австрийский фронт на болотах перед Ковелем прорвать не смогла.

Начальник штаба 3-й Кавказской казахской дивизии подполковник Лазарев 25 мая докладывал Гилленшмидту: «Артиллерия наша бездействует; сил для атаки в направлении на Галузию совершенно недостаточно. Мне представляется, что ожидать, чтобы пехота устроила прорыв, бесплодно, или, во всяком случае, дело долгого времени, времени нам особенно дорогого. Я опасаюсь, что и сейчас положение близко к тому, что пути к нашим целям окажутся прегражденными войсками, отпущенными на тыловые позиции, и что с каждым часом роль наша суживается» [11, л. 8–8 об].

Между тем необходимость в свежей коннице резко возросла на направлении главного удара – под Луцком. За трое суток войска 8-й армии продвинулись на 60 км, 25 мая они заняли Луцк.

Пленными были взяты 922 офицера и 43628 солдат противника, трофеи 8-й армии составили 66 орудий, 50 бомбометов, 21 миномет и 150 пулеметов [12]. Противостоявшая русским 4-я австрийская армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда была уничтожена и рассеяна, Луцк был взят. Для развития успеха надо было бросать в бой конницу, чтобы она не дала разбитому врагу оторваться. Но вся конница была сосредоточена севернее направления главного удара и не могла быть брошена в прорыв и довершить победу полным разгромом противника.

Австрийцы ждали русскую кавалерию в районе Луцка, заранее предполагая, что остановить ее не удастся [7, с. 301]. Как писал один из австрийских военных, «мысль, что Брусилов со своей многочисленной конницей может достигнуть Ковеля, обойдя Луцк и Торчий, или что он может прорваться в юго-западном направлении на Львов через зияющую брешь и поставить под угрозу фланг галицийского фронта противника, к счастью оборонявшихся, от него ускользнула» [8, с. 302–303]. То есть австрийцы больше всего опасались непосредственного удара русской конницы в прорыв на луцком направлении, что, собственно, изначально и предполагал Каледин.

Первой в Луцк ворвалась 4-я стрелковая Железная дивизия А.И. Деникина. В 1931 г.

А.И. Деникин в статье «Железная дивизия в Луцком прорыве. 1916–1931» писал: «Представляется необъяснимым отсутствие за фронтом намеченного прорыва сильных резервов и конной массы для развития удара... Конница 8-й армии (шесть кавалерийских дивизий из семи) располагалась в долине Стири на второстепенном участке, крайне пересеченном, лесисто-болотистом, имея впереди немногочисленную сеть дорог-дефиле и болота Стохода... Произошло ли это от забвения принципов полевой войны, от недоверия к своей коннице или вообще от отсутствия веры в серьезный успех наносимого удара?» [7, с. 298].

Северо-западнее Луцка, в районе г. Киселин, в лесах, армия А.М. Каледина встретила упорное сопротивление противника, резервы же были исчерпаны. А.А. Керсновский обвинял впоследствии А.А. Брусилова, что тот не подкрепил вовремя армию Каледина резервами и не бросил в прорыв конницу. «Подкрепив победоносный XL корпус резервным XLV, переведя сюда быстро V конный и бросив его с 12-й кавалерийской дивизией на Владимир-Волынский, он окончательно стер бы с лица земли IV армию врага и вслед за тем вывел бы из строя Австро-Венгрию» [1, с. 44]. «А ведь как раз на Австрийском фронте для применения конницы создавались наиболее благоприятные условия! Основная оборонительная нагрузка у австрийцев ложилась на первую полосу обороны, ту самую, что была прорвана русскими в течение трех дней», – подкрепляет эту версию М.В. Оськин [7, с. 307].

Однако русское командование (верховное и фронтовое) упорно стремилось к выполнению своего плана в лесах и на болотах на реке Стири. Состоявшийся здесь прорыв, невзирая на число потерь, компенсировал бы все эти потери: Ковель был необходим для продолжения наступления навстречу армиям Западного фронта, которые его пока так и не начали.

Конница на луцком направлении была введена в дело лишь 25 мая, в день занятия Луцка. Так, 12-й Донской полк (из состава 11-й кавалерийской дивизии) в составе 3 ½ сотни, взвода конной батареи и 4 пулеметов под командой полковника А.Н. Дронова 25 мая получил задачу наступать на колонию Голодницу – Бугай и занять фронт Ситница – Омельно (северо-восточнее Луцка, на правом берегу Стири). Полк перешел реку Рудка и в спешном строю повел наступление на позиции противника с проволочными заграждениями, преодолел заграждения и атаковал арьергардные части противника, преследовал их в

пешем и конном строю, взял в плен 79 австрийцев, а в качестве трофеев – 86 винтовок и 1 пулемет. В ночь на 26 мая казаки заняли линию сторожевого охранения на участке с. Носвоз (32 км севернее Луцка) и местечко Сокуль, которую занимали и 27 мая. Практически полк вышел на линию Стыри ниже Луцка [13, с. 62].

В 5 часов утра 26 мая 1916 г. А.М. Каледин телеграфировал Гилленшмидту: «Сейчас получил приказ ГЛАВКОЮЗа: “Еще раз повторяю мое непреклонное требование: 4-му кавалерийскому корпусу немедленно, во что бы то ни стало, пробиться и произвести набег, не выжидая результата боя 46-го корпуса. Пробиться должно на линии Кухоцка Воля – Езерцы – Серхов, занятый слабо спешенной конницей... Брусилов”. Вместе с тем ГЛАВКОЮЗ приказал, чтобы генерал Истомин независимо от Вашего прорыва продолжал систематическое наступление, основательно подготавливая атаку артиллерией. Донесите немедленно Ваше решение. Каледин» [8, л. 46].

Отсылая Гилленшмидту телеграмму Брусилова, Каледин убрал из нее последнюю фразу: «Если Гилленшмидт это выполнить не может, то сменить, назначить Володченко» [7, с. 304].

Одновременно А.М. Каледин своей волей стал выводить часть конницы, собранной в лесах и болотах для прорыва, в сторону Луцка, чтоб она смогла участвовать в преследовании отступающих австрийцев. Каледин 26 мая в 9:20 приказал: «Для 4-го конного корпуса. Оперативно. Приказываю всю свободную конницу перебросить через Стырь, направив ее в направлении станции Маневичи» [8, л. 44].

На правом фланге наступающей 8-й армии наступила сумятица. «...Штаб фронта, желая прорвать Ковельский фронт, стал перебрасывать тяжелую артиллерию 8-й армии из-под Луцка в группу Гилленшмидта. В итоге ударные корпуса А.М. Каледина оказались без поддержки тяжелых гаубиц, а организовать кавалерийский прорыв на ковельском направлении в кратчайшие сроки было в любом случае невозможно. На наш взгляд, сетования А.А. Брусилова на желательность смены генерала Гилленшмидта здесь ни к чему: любой другой командир мог уложить на колючей проволоке хоть весь корпус, но добиться выполнения задачи штаба фронта по прорыву к Ковелю с севера он все равно не имел возможности», – считает М.В. Оськин [7, с. 309].

Одновременно Брусилов снова надавил на Каледина и Гилленшмидта с требованием осуществить прорыв и набег. Он телеграфировал Каледину

26 июня: «Прошу передать генералу Гилленшмидту мое полное неудовольствие его слабыми действиями и плохой распорядительностью. Есть моменты, когда энергия должна быть всепоглощающая, а действия конницы в таких случаях должны быть нахальны и дерзки» [7, с. 304].

Директива штаба фронта от 26 мая гласила: «Всей кавалерии, в особенности 4-му корпусу, во что бы то ни стало, невзирая ни на какие потери, пробиться в тыл противника...» [14, с. 337].

В 11 часов 26 мая 1916 г. Каледин приказал Гилленшмидту: «Приказываю сейчас же донести, приступлено ли немедленно к приведению в исполнение вашего решения» [8, л. 47].

Гилленшмидт, видимо, переадресовал принятие решения командирам дивизий. Из архивных документов видно, что решение принимал и докладывал о нем Гилленшмидту 26 марта командующий 2-й сводно-казачьей дивизией П.Н. Краснов: «В галузийском направлении противник держится еще весьма прочно. Открывает сильный артиллерийский огонь, по-видимому, одной оставшейся у высоты 96,1 батареи по занятым нами его окопам. Его окопы тянутся в две линии, одна – в 600 шагах от нас и другая – за ней, в 400 шагах с двумя рядами проволочных заграждений, каждое – в 7 рядов кольев. Первые заняты слабее, вторые – очень сильно. Я решил имеющимся здесь батальоном 305-го полка и спешенными, 1-м Волжским и 17-м Донским, полками штурмовать ровно в 23 часа эти укрепленные полосы. От 21-го до 23 часов я разовью по окопам противника ураганный огонь своей батареи, после чего поведу атаку, поддерживая ее непрерывными ударами казачьих пеших цепей. Целью ставлю дойти непрерывными ударами до Галузии. После чего хотелось бы конным 1-м Линейным идти дальше на Маневичи. Весьма желательна одновременная атака генерала Леонтьева на высоту 83,5 и генерала Володченко на Езерцы» [9, л. 259–259 об.]. То есть П.Н. Краснов принял решение атаковать австрийские позиции пехотой и спешенными казаками одновременно, прорвать их и бросить в прорыв лишь часть своей дивизии.

«В тот же вечер, 26-го числа, ген. Я.Ф. фон Гилленшмидт отдал приказ об ударе всем корпусом вследствие того, что 46-й армейский корпус застрел и не может пробить брешь в обороне противника, чтобы пропустить в прорыв конницу. Однако для наступления были выделены только казаки, а остальная кавалерия стояла в резерве, ожидая результатов» [7, с. 306].

Ночью с 26 на 27 мая «ввиду тяжелого положения 2-й свод[ной] каз[ачьей] дивизии, по просьбе генерала Краснова, на усиление 2-й свод[ной] каз[ачьей] дивизии в 2 ½ ч[аса] выслан 11-й Донской казачий полк» [11, л. 119]. 11-й Донской полк, как известно, входил в состав 7-й кавалерийской дивизии.

«Понятно, что казачья дивизия, имевшая еще меньше огневых возможностей, нежели 77-я пехотная дивизия, хотя и при превосходстве в качестве человеческого состава, не могла иметь успеха. Атака 2-й казачьей сводной дивизии ген. П.Н. Краснова захлебнулась под огнем венгерских пулеметов, и генерал Гилленшмидт отказался от ее продолжения, дабы не терять зря войска, так как стало ясно, что прорваться самостоятельно коннице не удастся» [7, с. 306].

Также готовилась атаковать, но ждала подхода пехоты 3-я Кавказская казачья дивизия. В 2 часа ночи 27 мая начальник штаба дивизии подполковник Лазарев докладывал: «Дивизия сосредоточилась в фольварке Александрия. Пехота еще не подошла. Распоряжения для атаки отданы, наступление начнется с приходом пехоты» [11, л. 4].

В 6 утра 27 мая начальник штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии Лазарев доложил Гилленшмидту: «Вследствие позднего прибытия пехоты и большого утомления ее атака отложена до наступления темноты» [11, л. 2].

С наступлением темноты начали атаку. В 1:30 ночи 28 мая из 3-й Кавказской казачьей дивизии поступило донесение: «В 21 час стоящие против гати у деревни Езерцы Гребенский полк и вся артиллерия открыли огни. Австрийцы отвечали сильным ружейным и пулеметным огнем. Только что получено донесение, что гребенцы перешли в наступление» [11, л. 20]. Но и на этот раз прорвать австрийские позиции не удалось.

Командарм 8-й армии генерал А.М. Каледин 28 мая сообщал А.А. Брусилову: «При создавшейся обстановке, когда значение форсируемого участка позиции и для противника возросло, считаю производство здесь прорыва с наличными силами без направления сюда сильной пехотной поддержки и хотя бы одной тяжелой батареи необеспеченным... Полагаю, шансов мало в указанном направлении. Лучше повременить». В тот же день, но несколько позже, генерал Каледин телеграфировал: «...Сообщаю, что генерал Истомин вполне разделяет мнение генерала Гилленшмидта и просит перенесения центра удара к его левому флангу» [7, с. 312].

Пока Брусилов обдумывал новое решение, 28 мая в 9:10 Каледин приказал: «Немедленно

выделить 7-ю кавалерийскую дивизию и направить завтра, 29-го, переходами в среднем не менее 40 верст в Луцк, где она получит дальнейшее указание. Дивизию подчиняю мне. Пеший дивизион отправьте железной дорогой» [8, л. 84]. То есть 7-ю кавалерийскую дивизию вывели из болот и начали перебрасывать на Луцк.

Очередной приказ Каледина последовал 29 мая в 18:36: «5-му кавалерийскому корпусу продолжать преследовать противника в направлении на Ковель и разведывать на фронте Камень – Каширский – Туриск исключительно. Со времени получения этого приказа 5-й кавалерийский корпус подчиняю непосредственно мне». Задачи по преследованию противника получили 7-я и 12-я кавалерийские дивизии. «4-му кавалерийскому корпусу... прикрывать правый фланг армии, поддерживая тесную связь с левым флангом 3-й армии». Атаки по болотам прекратились, 4-й кавалерийский корпус вернулся к прежней задаче [8, л. 105–105а].

И, наконец, 31 мая 3-я Кавказская казачья дивизия также перешла к обороне.

Как видим, находящийся на болотах кавалерийский корпус не смог прорвать оборону немцев. Потеряв много личного состава, конница отказалась от дальнейших атак. Три дня боев привлекли к месту предполагаемого прорыва крупные силы австрийцев, но прорвать здесь фронт противнику так и не удалось.

В итоге, когда произошел прорыв фронта 8-й армией, «вся наша конница оказалась где-то в ковельских болотах, и некому было пожать плоды победы» [1, с. 41]. На болотах Полесья действительно были собраны 16-я, 2-я сводно-казачья, 3-я Кавказская казачья, 5-я Донская, 1-я Кубанская, Забайкальская дивизии (три последние были в составе 3-й армии). «Став высшими начальниками, Брусилов и Каледин перестали быть кавалеристами», – прокомментировал ситуацию А.А. Керсновский [1, с. 42]. Однако мы видим, что прекрасный кавалерийский начальник, донской казак А.М. Каледин был связан распоряжениями фронтового и верховного командования по использованию своей конницы и все же как мог, небольшими частями, перебрасывал конницу на те участки, которые сам считал главными.

Союзное германское командование поспешило на помощь австрийцам. «Нельзя было забывать, что к Ковелю уже подходили эшелоны с германскими подкреплениями. В случае приостановки атаки 8-й армии немцы успевали сцементировать развалившуюся оборону австро-венгров. Болотистая местность, прикрывающая разливом реки Стоход Ковель, способствовала обороне. В итоге

так и получилось, когда конница не сумела прорвать оборону противника, наступление Ровненской группы корпусов было приостановлено, что позволило австро-германцам укрепить свои позиции перед Ковелем, превратив их за лето в укрепленный район, насытить боевые порядки артиллерией и пулеметами» [8, л. 305].

Довершение разгрома противника на луцком и ковельском направлениях не состоялось. И русское командование, и представители союзников пытались осмыслить причины неудачи. Уже осенью английский представитель А. Нокс записал: «Четверг, 26 октября 1916 г. Бердичев. Мне удалось обменяться мыслями относительно роли кавалерии с Брусиловым. Этот человек обладает широким кругозором, несмотря даже на то, что ему пришлось провести 16 лет в кавалерийской школе в Петрограде. Я спросил, чего удалось добиться кавалерии в ходе недавнего наступления, и генерал, к моему изумлению, ответил, что этот род войск оказался полезным, занимая оборону на пассивных участках, позволяя тем самым командованию беречь пехоту для нанесения основных ударов. Брусилов не верит в успех глубоких кавалерийских рейдов» [5, с. 436].

«Как считает Брусилов, в русской армии слишком много кавалерии. Это дорогой род войск, который к тому же затрудняет тыловое снабжение. Он бы имел в каждой армии по две кавалерийских дивизии при примерно 160 батальонах пехоты. Сейчас же среднее количество кавалерии в каждой армии намного больше. По мнению генерала, количество кавалерии в корпусах и дивизиях следует увеличить до одного полка шестизададного состава на корпус или на две пехотные дивизии. В некоторых корпусах это соотношение соблюдается, но далеко не везде.

“Разумеется, – добавил генерал, – все будет совсем по-другому, когда противник будет деморализован. Но когда это произойдет? Я лично четырежды принимал участие в “уничтожении” 43-й дивизии гонведа. В каждом случае она теряла от двух до трех тысяч солдат, но всегда через две-три недели после переформирования возвращалась в строй”» [5, с. 436–437].

Выяснив мнение А.А. Брусилова, А. Нокс обратился к А.М. Каледину. «В двенадцать часов я неожиданно “свалился” на Каледина и спросил его мнение относительно роли русской кавалерии в последнем нашем наступлении. На минуту генерал задумался, а затем прочитал мне целую лекцию по данному предмету.

Он полностью уверен, что причиной того, что русская кавалерия добилась так мало, является не-

хватка войск. Поэтому командование вынуждено держать кавалерию в окопах, что не дает ей сосредоточиться во вторых эшелонах для выполнения своих основных задач. Армии Юго-Западного фронта, действующие на флангах, 8-я и 9-я, обладали самой многочисленной кавалерией. 8-я армия под командованием самого Каледина включала в себя V кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий, а также еще две отдельные кавалерийские дивизии – 7-ю и 12-ю. Полоса наступления армии составляла 180 верст (120 миль), и для того, чтобы собрать достаточное количество войск на направлении главного удара, пришлось посадить солдат V кавалерийского корпуса в окопы, чтобы заделать дыры в позициях фронта на заболоченной местности.

После успеха первого удара Брусилов, не обращая внимания на протесты Каледина, бросил 7-ю кавалерийскую дивизию вместе с V кавалерийским корпусом в рейд на Ковельском направлении, вдоль железной дороги Сарны – Ковель. Рейд закончился полным провалом, и русские, которым приходилось продвигаться вперед в болотистой местности, местами по пояс в воде, понесли большие потери.

У Каледина осталась одна 12-я кавалерийская дивизия, которая сама по себе могла сделать немного. Генерал убежден, что если бы ее поддержала и 7-я кавалерийская дивизия, ни одной единицы транспорта австрийцев не удалось бы ускользнуть. А если бы в его руках были все четыре из имевшихся у него прежде кавалерийских дивизий, да еще своевременно сосредоточенные на участке прорыва, его войска заняли бы Владимир-Волынский и перерезали железную дорогу севернее и западнее Ковеля.

Каледин убежден, что при том состоянии деморализации, в котором тогда находились австро-венгерские войска, кавалерийский корпус был более ценен, чем армейский.

“Немцы, – продолжал Каледин, – к сожалению, пока не утратили моральный дух, и это естественно. Ведь за ними два года побед. Но когда они начнут отступать, то тоже сильно пострадают от действий русской кавалерии. В сущности, их пехота уже не раз попробовала на себе, что это такое”» [5, с. 445–446].

Таким образом, мы видим, что А.А. Брусилов разуверился в способностях кавалерии, «затыкал дыры» ею в окопах, которые оставляла сконцентрированная для наступления пехота, и, видимо, подчиняясь директиве Ставки, требовал наступления конницы по болотам для последующего рейда на Ковель. Каледин с таким

планом был не согласен. Он хотел бы иметь все четыре дивизии кавалерии на луцком направлении и бросить их в прорыв, проделанный пехотой в первые же дни наступления.

Более удачно действовали казаки в гористой местности на левом фланге Юго-Западного фронта в полосе наступления 9-й армии. На примере 1-й Донской дивизии мы можем увидеть, как работает конница, вовремя введенная в прорыв.

Так, 1-я Донская дивизия в составе 33-го корпуса выдвинулась 28 мая 1916 г. в Синькув, на берег Днестра, и стала в 18 верстах от линии фронта, ожидая успеха наступления, чтобы преследовать. На следующий день, 29 мая, 13-й и 15-й Донские полки под командованием полковника Крюкова начали переправу через Днестр у Синькув, восточнее Залещиков. Брод оказался узкий, спуски плохие, переправа велась по одному, однако была завершена за полчаса [15, л. 48 об.].

У деревни Тоутры была обнаружена укрепленная позиция, ее обошли с востока и двинулись на Заставну. Прикрывая движение бригады с запада, командир 6-й сотни 13-го Донского полка Арсений Васильевич Овчинников у Дубовиц в конной атаке взял пулемет и 300 пленных, за что впоследствии был награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени. У Заставны казаков догнал приказ, согласно которому дивизия из 33-го корпуса передавалась в 41-й корпус и направляется к селению Глиница.

Продвижение шло с боями. Невзирая на сложную местность, казаки старались действовать в конном строю. Четвертая сотня 13-го Донского полка в конной атаке захватила в плен 2 офицеров и 125 солдат противника. Командир сотни сотник Щуров был ранен 2 пулями.

Три сотни 15-го Донского полка лавой бросались на высоты 213 и 256. В ходе атаки казаки нарвались на ручей, некоторые спешили и переводили лошадей в поводу, некоторые поскакали в обход через д. Ошихлиб. Все это время хлестал ливень с градом. Вечером подошла 74-я пехотная дивизия и заняла территорию, отбитую у противника 1-й Донской дивизией.

На следующий день 13-й и 15-й донские полки с боем вступили в г. Коцман и вели разведку на Ней-Мамаешти. У высоты 242 они обнаружили 3 эскадрона противника.

Был собран конный кулак из 13-го Донского, 15-го Донского и Кабардинского полков и брошен в атаку. Атаку поддерживали 9-й Донской полк и 7-я Донская батарея. 10-й Донской полк оставался в резерве 41-го корпуса. Австрийцев гнали до Дужан и заняли это селение, захватив там око-

ло 500 пленных. Дальнейшим преследованием противник был отброшен за Прут к г. Снятын. Австрийцы, отступая, ротами бросались в реку, многие тонули. Всего в бою было взято в плен 2000 солдат и 20 офицеров, в качестве трофея 1 пулемет.

Потери русской армии (казаков) составили убитыми 2 офицера, 20 нижних чинов, 57 лошадей; ранены были 2 офицера, 50 нижних чинов, 70 лошадей. Дивизия продвинулась на 35 км вглубь расположения противника.

Соединения 9-й армии, продолжая наступление, 5 июня захватили Черновцы, 6 июня вышли на реку Серет. На следующий день, 7 июня, дивизия вела разведку в направлении на Коломею. Фронт разведки достигал 40 верст [15; л. 52 об.]. В полках был определен большой наряд казаков на разведку, и полки были этим значительно ослаблены.

Ослабленные полки все же смогли взять пленных 24-й австрийской дивизии. Дальше они двинулись по правому берегу Прута на юго-запад, вверх по реке Черемош. Весь период наступления казаки 1-й Донской дивизии вели удачные боевые действия.

Таким образом, наступление Юго-Западного фронта было достаточно удачным, принесло русской армии большие трофеи и значительно исправило ситуацию на других фронтах. Но враг не был добит, хотя имелись реальные возможности нанести Австро-Венгрии еще более тяжелое поражение. Использование многочисленной конницы (а на день прорыва у командующего Юго-Западным фронтом насчитывалось 15 кавалерийских дивизий) действительно оставляло желать лучшего. Пример тому – прорыв в районе Луцка, конницы там оказалось недостаточно и не были приняты меры, чтобы ее увеличить и активно преследовать отступающего противника. Кроме того, как уже говорилось выше, коннице зачастую ставились задачи прорыва хорошо укрепленной обороны противника, что хорошо видно на примере использования 4-го кавалерийского корпуса. Следует отметить, что все это было следствием вмешательства сверху, со стороны Верховного командования русской армии, а отнюдь не результатом неумелого планирования со стороны командования конкретной армии.

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2016 г. № 007-01114-16 ПР (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керсновский А.А. 1994. *История русской армии. В 4 томах. Том 4-й: 1915–1917*. М., Голос: 368 с.
2. Венков А.В. 2014. Донские казаки в начале Первой мировой войны. *Исторический вестник*. 8: 84–101.
3. Генерал А.М. Каледин. *Фронтовые письма 1915–1917*. 2011. Ростов н/Д, Альтаир: 288 с.
4. Абрамов М.Ю., Корягин С.В., Логинов С.Д. 2012. *Ермоловы и другие. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 103*. М., Русаки: 631 с.
5. Нокс А. 2014. *Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917*. М., Центрполиграф: 672 с.
6. Брусилов А.А. 2013. *Мои воспоминания*. М., Вече: 288 с.
7. Оськин М.В. 2009. *Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне*. М., Эксмо: 448 с.
8. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786а.
10. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3803.
11. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3788.
12. Рыжкова Н.В. 2003. *Донские казаки в войнах России начала XX века*. Ростов н/Д, изд-во Ростовского университета: 320 с.
13. Венков А.В. 2014. *12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы Первой мировой войны*. Ростов н/Д, Антей: 136 с.
14. Венков А.В. 2010. *Тихий Дон: источниковая база и проблема авторства*. М., АИРО-XXI: 884 с.
15. Ростовский (Российский) государственный военно-исторический архив. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 31.
3. General A.M. Kaledin. *Frontovye pis'ma 1915–1917*. [General A.M. Kaledin. *Wartime Letters of 1915–1917*]. 2011. Rostov-on-Don, Al'tair: 288 p. (In Russian).
4. Abramov M.Yu., Koryagin S.V., Loginov S.D. 2012. *Ermolovy i drugie. Genealogiya i semeynaya istoriya Donskogo kazachestva*. [The Ermolovs and others. *Genealogy and Family History of the Don Cossacks*]. Iss. 103. Moscow, Rusaki: 631 p. (In Russian).
5. Noks A. 2014. *Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe. 1914–1917*. [Together with the Russian army. *Diary of a military attaché. 1914–1917*]. Moscow, Tsentrpoligraf: 672 p. (In Russian).
6. Brusilov A.A. 2013. *Moi vospominaniya*. [My memoirs]. Moscow, Veche: 288 p. (In Russian).
7. Os'kin M.V. 2009. *Krakh konnogo blitskriga. Kavaleriya v Pervoy mirovoy voyne*. [The collapse of the mounted blitzkrieg. *The cavalry in World War I*]. Moscow, Eksmo: 448 p. (In Russian).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. [State Archives of the Rostov Region]. F. 344. Op. 1. D. 3786. (In Russian).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. [State Archives of the Rostov Region]. F. 344. Op. 1. D. 3786a. (In Russian).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. [State Archives of the Rostov Region]. F. 344. Op. 1. D. 3803. (In Russian).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. [State Archives of the Rostov Region]. F. 344. Op. 1. D. 3788. (In Russian).
12. Ryzhkova N.V. 2003. *Donskie kazaki v voynakh Rossii nachala XX veka*. [The Don Cossacks in the Russian wars of the early twentieth century]. Rostov-on-Don, Rostov University Publishers: 320 p. (In Russian).
13. Venkov A.V. 2014. *12-y Donskoy kazachiy general-fel'dmarshala knyazya Potemkina-Tavrisheskogo polk v gody Pervoy mirovoy voyny*. [12th Don Cossack Field Marshal Prince Potemkin-Tavrisheski Regiment in the First World War]. Rostov-on-Don, Antey: 136 p. (In Russian).
14. Venkov A.V. 2010. *Tikhiy Don: istochnikovaya baza i problema avtorstva*. [And Quiet Flows The Don: the source base and the problem of authorship]. Moscow, AIRO-XXI: 884 p. (In Russian).
15. Rostovskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. [Rostov State Military History Archives]. F. 2007. Op. 1. D. 31. (In Russian).

REFERENCES

Поступила 11.05.2016